

ХЕЛЬГА МЭЙС

таверна
ПОД МУХОМ МОРОМ
КАК ГНОМ БОЖЬЮ
КОРОВКУ ПРИРЯЧАЛ

Хельга Мэйс

**таверна "Под Мухомором": Как
гном божью коровку приручал**

«Автор»

2026

Мэйс Х.

таверна "Под Мухомором": Как гном божью коровку приручал /
Х. Мэйс — «Автор», 2026

Рубин Куйский — гном, председатель культурного комитета, хозяин лучшей таверны в Цветущем Лесу — привык, что его жизнь состоит из браги, турниров по метанию шишек и заседаний на пару с Брунгильдой. Но однажды вечером на пороге таверны появляется незнакомка: тихая, настороженная, в дорожном плаще, пахнущем летним лугом. Она называет себя энтомологом — изучает жуков. Ищет, где переночевать. И явно что-то скрывает. Кокци넌ла Семиточечная полгода бежит от Роя серокрылых ос. Цветущий Лес должен был стать лишь временным убежищем. Но у леса свои планы: уютная мансарда, тушеные опята, огненнобородый гном и чувство, от которого крылья за спиной начинают расправляться сами собой.

© Мэйс Х., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1	5
2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

таверна "Под Мухомором": Как гном божью коровку приручал

1

Таверна «Под Мухомором» была заведением легендарным, не в том смысле, в каком легендарны древние замки или поля великих битв, а в том, сугубо гномьем, когда половина жителей Цветущего Леса может рассказать историю о том, как именно здесь, на этом самом дубовом стуле, чей-то дед проиграл в кости фамильный шлем, а вон в том углу тролль однажды так растрогался от собственной игры на губной гармошке, что его на три дня развезло и он говорил исключительно стихами...

Стены таверны, сложенные из цельных дубовых бревен, были прокопчены ровно настолько, чтобы казаться уютными, но не настолько, чтобы быть бельмом в глазах санитарной комиссии. Вдоль стен стояли бочонки с брагой, сидром и чем-то таким, что Брунгильда Правописная называла «экспериментальным продуктом» и подписывала сбоку черепом со скрещенными костями. Над стойкой, на почетном месте, висела та самая шишка, которой Инфернус Азраилович Искрометов пробил мишень навывлет в финале турнира, — теперь она была покрыта лаком и служила талисманом гномьего заведения.

За стойкой, как обычно, возвышался Рубин Куйский.

Сегодня он был в простом, но чертовски удобном фартуке из кожи, надетом поверх неизменной клетчатой рубахи. Борода его была распущена и сейчас лежала на груди, как кипящая лава — такая же рыжая с проседью, густая и совершенно неукротимая. Он протирал кружки — занятие, которое Рубин, как председатель комитета по культурному досугу, находил глубоко и достаточно медитативным.

— Так-с, — бормотал он себе под нос, натирая и без того блестящую кружку куском фланели, — что мы имеем? Вторник. Вечер. По вторникам у нас что? По вторникам у нас философская дискуссия господина Филина с самим собой. Ему два сидра и сушеных мышей. Мыши, кстати, почти закончились. Заказать у ежей? Хотя они линяют, им не до заготовок... Ладно, это терпит до пятницы...

Звякнул колокольчик над входной дверью, сплетенный из конского волоса и сухих бубенчиков сон-цветов — давнишняя идея Вересковой Росинки: «Чтобы гости чувствовали себя желанными еще до того, как переступят порог». Рубин поднял глаза, готовый гаркнуть приветствие, — и неожиданно замер.

В дверях стояла незнакомка.

Она была миниатюрной — пожалуй, даже ниже Росинки, но сложена ладно, как маленький, но отлично выкованный механизм. Одежда на ней была... странная. Дорожный плащ из тончайшей, почти прозрачной ткани с легким алым отливом, а под ним — что-то черное, облегающее. На плечах, в тех местах, где у фей были бы крылья, ткань собиралась в две аккуратные выпуклости — то ли какая-то конструктивная особенность костюма, то ли... что-то иное. Волосы цвета полированного каштана были собраны в тугий узел на затылке и заколоты шпилькой в виде крошечной божьей коровки. Глаза — большие, блестящие, совершенно черные, без белков — смотрели на мир с выражением крайней степени собранности и недоверия.

И она была совершенно, абсолютно, до неприличия... прекрасна.

Рубин моргнул. Потом еще раз. Фланель выпала из его пальцев и приземлилась прямо в чан с рядом стоящей медовухой.

— Ой! — сказал гном. — То есть... здравствуйте! Добрый вечер! Добро пожаловать в таверну «Под Мухомором», лучший питейный дом к западу от Запрудного озера и к востоку от

Дальней Чаши, а также в радиусе трехдневных переходов в округе! Я Рубин, хозяин таверны, председатель культурного комитета и, по совместительству, сегодняшний бармен. Вам столик? Кружку? Меню? У нас сегодня фирменное — тушеные опята в сметанном соусе с гренками!

Незнакомка оглядела зал. В таверне в этот час было малоллюдно: только господин Филин на своем излюбленном насесте у камина, да пара гномов-завсегдатаев, которые тихо играли в углу в какую-то сложную игру с камешками и неразборчивыми ругательствами. Заметив их, девушка едва заметно напряглась, но, оценив обстановку, чуть расслабила плечи.

— Я ищу, где можно переночевать, — сказала она. Голос у нее был тихий, суховатый, с едва уловимой трещинкой, как у человека, который долго молчал. — Мне сказали, у вас можно снять домик. Это отель?

— Феечкин отель «Под корнями», — кивнул Рубин. — Это не у нас, это через лес, на восток. Домики под корнями, хозяйка — Вересковая Росинка. Но сейчас у них там, по-моему, все занято. Сезон ведь, — пожал плечами гном.

Незнакомка нахмурилась. Хмурилась она, кстати, тоже красиво — как статуя, которая ненадолго задумалась о вечном, но вечное ее решительно не устраивало.

— Тогда мне нужен другой вариант. Есть постоянный двор?

— Постоялых дворов нету, — сказал Рубин. — Но у нас в таверне есть комната наверху — мансарда. Маленькая, зато с окном на восток и главное — без кло-пов. Их я лично истребил в прошлом году.

— Как?

— Гномьим способом. Песнями и ультразвуком. Они этого не выдержали, — приснул в кулак Рубин.

Незнакомка склонила голову набок, явно пытаясь понять, шутит гном или нет. Рубин Куйский не шутил. Он вообще редко шутил, когда речь заходила о гномьих песнях.

— Я согласна, — сказала она наконец. — На одну ночь. Сколько с меня?

— Три медных гроша, — ответил Рубин. — Или один серебряный, но тогда в нагрузку ужин. Вы голодны?

Желудок незнакомки ответил раньше нее — тихим, деликатным, но совершенно недвусмысленным урчанием. Она слегка покраснела — едва-едва, но Рубин заметил.

— Понял, — кивнул он. — Садитесь вон туда, у камина. Господин Филин, будьте любезны подвинуться!

Господин Филин, дремавший у огня, открыл один глаз — огромный, золотистый, — и посмотрел на гнома с выражением глубочайшего философского несогласия с любыми перемещениями в пространстве.

— Я занял этот насест в семь вечера, — сообщил он скрипуче. — Время засвидетельствовано. Брунгильда записала в амбарную книгу.

— Брунгильда сейчас дома, пьет чай с мятой, — отмахнулся Рубин. — А перед тобой дама, которой нужно место у огня.

— Дама? — господин Филин открыл второй глаз и уставился на незнакомку. — Дама. Хм. Хорошо. Я подвинусь, но из чистого уважения.

Он перебрался на соседний насест, ворча что-то насчет «молодежи», «упадка нравов» и «в его годы у огня грелись по старшинству, а не по половому признаку». Незнакомка проводила его растерянным взглядом, в котором читалось: «Я только что увидела филина, который говорит». Потом она села за столик у камина и опустила капюшон.

Гном, накладывая в миску тушеных опят, украдкой разглядывал гостью. Что-то в ней было необычное. Понятное дело, что в Цветущем Лесу все необычные, но здесь было что-то иное. Она двигалась очень аккуратно, словно боялась что-то задеть или сломать. Оглядывала помещение быстро, цепко, как человек, привыкший оценивать возможные угрозы. И еще — от

нее исходил едва уловимый запах. Не духи, не цветы — что-то сухое, теплое и травянистое. Так пахнет летний луг в полдень, когда солнце нагревает траву до предела и вот-вот случится гроза.

— Ваш ужин, — сказал Рубин, ставя миску на стол.

— Благодарю, — она взялась за ложку и начала есть. Ела она быстро, сосредоточенно, но при этом аккуратно — ни крошки, ни капли мимо. Гном одобритительно кивнул.

— Издалека идете? — спросил он, присаживаясь на соседний стул. — Я не из праздного любопытства, а чисто по хозяйству. Надо знать, кому какую комнату давать. Если вы, скажем, из Южных Болот, то вам нужна грелка в постель. А если из Предгорий — вторая подушка. У них там у всех шеи широкие.

— Я не с юга и не с гор, — ответила незнакомка, не поднимая глаз от тарелки. — Я... издалека. Просто путешествую.

— Путешествуете, — повторил Рубин, кивая. — Хорошее дело. Я, знаете, тоже в молодости путешествовать любил. Стеклодувный промысел, знаете ли, требует обмена опытом. Я доходил до самого Восточного Предела. Там такие пески красные, как моя борода, и стекло из них выходит с золотым отливом. А вы чем занимаетесь?

Незнакомка замешкалась. Положила ложку, вытерла губы салфеткой — маленьким лоскутком, который извлекла из рукава.

— Я... энтомолог, — сказала она.

— Кто-о? — протяжно переспросил Рубин.

— Изучаю насекомых. Жуков, бабочек, стрекоз. Всякую мелочь.

— О-о! — гном просиял. — Это ж какое интересное дело! У нас в лесу с этим богато. Жужелицы, светлячки, короеды, муравьи — этих вообще тьма! Особенно после того, как Росинка бутерброд над тропинкой пожует. У них там сразу колония со складскими помещениями образуется! Хотите, завтра покажу одну из них?

Девушка впервые за весь разговор подняла глаза от тарелки и посмотрела на Рубина прямо. Взгляд у нее был странный — изучающий, почти микроскопический, но без враждебности. Так энтомолог, наверное, смотрит на незнакомого жука, пытаясь определить его вид и степень опасности.

— А вы разбираетесь в насекомых? — спросила она.

— Я? — Рубин хохотнул. — Я во всем разбираюсь! Я председатель культурного комитета, кузнец, стеклодуд! А еще я как-то выиграл пари у тролля на знание местной фауны. Правда, тролль был пьян и путал клещей с комарами, но сути-то это не меняет. Кстати о троллях — вон тот парень с гармошкой. Он вам сыграет, если попросить. Веселое или что-то меланхоличное и, главное, очень душевное.

— Я не очень люблю музыку, — сказала незнакомка.

— Ничего, привыкнете. У нас тут все ко всему привыкают. Вот, например, господин Филин...

— Я вообще-то здесь! — донеслось с другого насеста. — И я все слышу!

— Я знаю! — не оборачиваясь, откликнулся Рубин. — Я для примера рассказываю. Так вот, господин Филин у нас философ. Поначалу все жаловались, что он по ночам бубнит цитаты древних мудрецов. А теперь не могут заснуть без его бубнежа. У нас тут лес такой... адаптивный, понимаете ли.

Девушка, кажется, подавила улыбку или Рубину лишь показалось это. Но легкое движение уголков губ он заметил — все-таки несколько сотен жизненного опыта не прошли даром.

— Меня зовут Рубин, — сказал он еще раз, на этот раз тише, — Рубин Куйский. А вас?

— Кокцинелла, — ответила она.

— Кокци... как?

— Можно просто Нелла. Это родовое имя. Научное.

— Научное, — повторил Рубин, пробуя слово на вкус. — Звучит как жук.

— Так и есть, — сказала она, и в ее черных глазах что-то блеснуло — то ли искра, то ли отражение пламени камина. — Жук!

Гном не успел уточнить, шутит она или нет, потому что в этот момент входная дверь снова распахнулась, колокольчик оповестил об очередном прибытии гостя. На пороге, тяжело дыша и прижимая к груди какой-то свиток, стояла Брунгильда. Несмотря на поздний час, она была при полном параде: передник с вышивкой, официальная шапочка с кисточкой и перо за ухом.

— Рубин! — выпалила она. — Я только что от Совета! У нас ЧП!

— Что стряслось? — гном мгновенно подобрался, как старый боевой конь при звуке горна. — Леший набедокурил? Ежи опять кого-то укололи? Господин Филин написал новую философскую мысль, от которой у всех началась мигрень?

— Хуже! — Брунгильда развернула свиток и зачитала. — Согласно календарному плану культурных мероприятий, утвержденному на сезон, послезавтра у нас Ежегодная Встреча Травников и Знахарок. Пункт седьмой, параграф «В». Я назначена ответственной за регистрацию. Вересковая Росинка — за прием гостей. А ты...

— Я?!

— А ты — за цветочную арку! «Главный вход надлежит оформить торжественной аркой из полевых цветов и осенних листьев с элементами декоративной резьбы». Пункт седьмой, параграф «Е», подпараграф «Арка». Рубин Куйский единственный резчик по дереву во всем комитете!

Рубин на мгновение забыл о прекрасной незнакомке. Его лицо озарилось тем особым светом, который бывает только у гномов, когда им поручают что-то строить, резать, строгать или полировать.

— Арка? — переспросил он. — Цветочная? Еще и с резьбой? Брунгильда, да это ж лучшая новость за всю неделю! У меня как раз руки чесались! Я сделаю такую арку — гномы из-за гор съезжаться будут, чтобы на нее посмотреть!

— Вот и займись, — кивнула Брунгильда, — завтра прям с утра. Инструмент у тебя есть, цветы нам обещали феи, листья пойдут дубовые, столетние, под подпись — дубы разрешили использовать свой опад в декоративных целях. А ты пока думай над эскизом арки.

— Уже думаю! — рявкнул Рубин и вскочил со стула. — Это будет арка в виде двух сплетенных ветвей — дуб и ива — символ единства леса! А сверху желуди! А по бокам листья, вырезанные так, что на свету будет видна игра теней! А в центре вензель «Т и З»!

— «Т и З»? — переспросила гномиха.

— Травники и Знахарки! Чего непонятного?!

— А мне нравится, — вдруг тихо сказала Нелла.

Они оба обернулись к ней. Гномиха, до того момента не замечавшая гостью, уставилась на девушку поверх очков — тех самых, в которых она обычно читала мелкие пункты устава и вписывала в турнир участников.

— А это кто? — спросила Брунгильда у Рубина.

— Это Нелла, — сказал гном, и в его голосе промелькнуло что-то, чего Брунгильда раньше не слышала. Какая-то новая, осторожная гордость и... нежность. — Энтомолог. Изучает жуков. Будет жить у нас наверху.

— Энтомолог? — Брунгильда оглядела девушку с головы до ног. Та выдержала взгляд спокойно, даже не моргнув. — Насекомые, значит. Что ж, в нашем лесу этого добра хватает. Особенно муравьев. Особенно, когда Росинка...

— Роняет крошки бутерброда, — хором закончили Рубин, господин Филин и оба гнома-завсегдатая.

— Понятно, — сказала Нелла. — Кажется, эту историю тут знают все.

— Так точно, — подтвердила Брунгильда. — Но муравьи теперь часть экосистемы. Я вписала их в реестр. Пункт сороковой, параграф «Муравьи, появление вследствие сладкого инцидента». В общем, добро пожаловать в Цветущий Лес, Нелла-энтомолог. Если понадобятся документы для исследований, обращайтесь. Я веду архив.

— Спасибо, — сказала Нелла и склонила голову — вежливо, но настороженно.

Брунгильда еще раз посмотрела на Рубина, потом на Неллу, потом снова на Рубина и едва заметно хмыкнула. Затем развернулась и вышла, унося свиток в ночь. Гномы-завсегдатаи, закончив партию, тоже засобирались — один из них выиграл, другой требовал реванша завтра. Господин Филин дремал. В таверне вдруг стало тихо-тихо.

Рубин и Нелла остались вдвоем у камина.

— Так вам понравилась идея с аркой? — спросил гном, чувствуя, что надо как-то заполнить образовавшуюся паузу.

— Понравилась, — кивнула она. — Символ единства. Это... неожиданно для гнома.

— Поче-ему? — удивился Рубин.

— Я думала, гномы больше ценят камень и металл. Что-то прочное.

— Мы ценим прочное, — кивнул он. — Но дерево — оно тоже прочное. Просто по-другому. Дерево умеет гнуться. А камень — нет. Камень стоит, пока не треснет. А дерево переживает бури и растет дальше. Я уважаю дерево, — он помолчал, — и цветы тоже.

Нелла посмотрела на него долгим взглядом, и Рубину снова почудилось, что она его изучает, как редкого жука под микроскопом. Но теперь в этом изучении было что-то другое. Менее научное, более... личное.

— Я, пожалуй, пойду спать, — сказала она наконец. — Долгая дорога выматывает.

— Конечно-конечно! — Рубин подскочил. — Комната наверху, дверь слева. Постель чистая, подушка одна, но если нужно две, я принесу. И грелка есть, и плед, и...

— Одной подушки достаточно, — перебила она гнома, и в ее голосе снова мелькнула та суховатая нотка. — Я неприхотлива.

— Как скажете. Доброй ночи, Нелла-энтомолог.

— Доброй ночи, Рубин-гном.

Она поднялась и, легко ступая по полу, направилась к лестнице. У самых ступенек обернулась.

— Ваша таверна... уютная, — сказала она. — Я такого не ожидала.

— А чего вы ожидали? — спросил Рубин.

— Не знаю, — она чуть пожала плечами. — Чего-то более гномьего.

И исчезла наверху.

Рубин остался в зале один, не считая Филина, который уже откровенно похрапывал. Он постоял немного, глядя на лестницу, потом медленно поплелся за барную стойку, где налил себе браги.

— Кокцинелла, — произнес он в пространство. — Жук, значит, и энтомолог. А одета как... как кто? Как странница из далеких земель, которая прячет под плащом что-то, что не хочет показывать. Интере-есно. Это очень интере-есно, — в свойственной ему манере протянул Рубин.

Он допил брагу и подбросил в камин полено. Огонь весело затрещал. За стенами таверны, в глубине ночного леса, дубы запевали свою вечную песню.

А наверху, в маленькой мансарде, Кокцинелла сидела на краю кровати и смотрела в темноту. Ее плечи, укрытые плащом, оставались неподвижны. Но под плащом, в тех местах, где ткань собиралась в две аккуратные выпуклости, что-то едва заметно шевельнулось. Она положила ладонь на плечо и, успокаивая невидимое движение, тихо прошептала.

— Тсс. Мы в безопасности. Они не знают. Спрячемся здесь на некоторое время.

2

Утро в Цветущем Лесу наступило с той неизбежной, распирающей бодростью, на какую способна только природа, не знакомая с понятием «похмелье». Солнце заливало мансарду таверны сквозь восточное окно; лучи его, пробиваясь сквозь листву старого дуба, рисовали на полу и на стенах подвижную, хаотичную сетку. Пахло свежестью, мхом и, отдаленно, дымом вчерашнего камина.

Нелла проснулась мгновенно, как просыпаются все, кто привык спать очень чутко. Никакого потянуться и зевнуть. Глаза открылись — и тут же обшарили комнату: окно, дверь, углы, подозрительные тени. Чисто! Она выдохнула и позволила себе расслабить плечи, которые и во сне держала напряженными.

Вчерашний день всплыл в памяти обрывками: таверна, гном с огненной бородой, филин-философ, тушеные опята, кстати, достаточно вкусные, и арка — «символ единства» — так, кажется, сказал этот гном. Рубин. Рубин Куйский. Она запомнила его имя — привычка, выработанная годами практики. Имена полезны. Они дают рычаги...

Она села на кровати и опустила босые ноги на деревянный пол. Плащ, служивший ей одеялом, соскользнул на постель, и на мгновение она осталась в том самом облегающем одеянии — черном, с деликатной строчкой, напоминающей панцирные швы. Утренний свет коснулся ее плеч, и там, где вчера под тканью угадывались две выпуклости, сейчас виднелись очертания того, что она так тщательно прятала.

Девушка повела плечами — и выпуклости пришли в движение.

С тихим, почти неслышным треском, похожим на звук открываемой только-только напечатанной книги, за ее спиной раскрылись крылья. Два надкрылья — плотные, глянцево-алые, в черную крапинку — разошлись в стороны, и из-под них высвободилась пара прозрачных летательных крыльев, тонких и мерцающих в утреннем свете радужными переливами. Она расправила их, встряхнула, проверяя, не затекли ли за ночь, и тихо застонала от облегчения. Держать крылья сложенными под плащом было все равно что ходить с туго перевязанной грудью — терпимо, но мучительно.

— Сегодня летаем, — прошептала она, обращаясь к крыльям. — Немного. Когда никого не будет.

Крылья послушно сложились: сперва прозрачные, потом алые надкрылья закрыли их, как щит, и снова стали казаться просто необычной конструкцией одежды. Она провела ладонью по надкрыльям — теплым, гладким, слегка вибрирующим от прикосновения. Ее собственные. Единственное, что у нее осталось от дома. И единственное, что могло ее выдать... и погубить.

В дверь постучали — три коротких, но бодрых удара.

— Нелла! — донеслось из-за двери. Это был Рубин. — Вы уже проснулись? Я тут завтрак принес! У нас по утрам каша с медом и орехами, гномья классика, укрепляет кости и поднимает дух!

Девушка мгновенно накинула плащ, проверила, как сидит ткань на плечах, и только потом сказала:

— Войдите.

Гном вошел, неся перед собой поднос, на котором громоздилась миска с дымящейся кашей, горшочек с медом, плошка с орехами и кружка с чем-то горячим. Выглядел он так, будто не спал всю ночь, но при этом был полон энергии — глаза блестели, борода была расчесана, что, как подозревала Нелла, с ней случалось не чаще раза в неделю, а на носу красовались крошечные очки в медной оправе. Впрочем, очки держались на носу чисто символически и явно мешали гному смотреть перед собой.

— Доброе утро! — прогудел он, водружая поднос на маленький столик у окна. — Как спалось? Подушка не комкалась? Одеяло теплое? А то у нас ночью туман был, я уж думал, не замерзли ли вы часом...

— Спалось нормально, — ответила Нелла. — Спасибо.

Она взяла кружку и осторожно принялась. Чай. Не просто чай, а какой-то сложный, лесной, с травами, названия которых она не знала. Пахло мятой, липой и чем-то еще — сладковатым и таким успокаивающим.

— Это наш фирменный, — пояснил Рубин, заметив ее недоверчивый взгляд. — «Слезы русалки». Но не пугайтесь, русалки не плачут в прямом смысле, это всего лишь метафора. Просто чай такой, с водяной мятой и кувшинковым корнем. Помогает от всего: от хандры, от усталости и от головной боли.

— Я не хандрю, — сказала Нелла и сделала глоток. Чай был хорош. Очень хорош. Она прикрыла глаза на мгновение, наслаждаясь теплом, распространяющимся по горлу.

Рубин, стоя у столика, заметил это и просиял так, будто ему лично вручили приз за «Лучший чай сезона».

— Ну во-от! — протянул он. — А говорили, не хандрите. Чай все-все знает.

Пока Нелла завтракала, думая про себя, что каша и правда оказалась отменной — орехи хрустели, мед был душистый и в меру сладкий, Рубин, не в силах стоять на месте, прохаживался по мансарде, заложив руки за спину, и рассказывал о предстоящем дне. Вернее, о своих планах на предстоящий день.

— ...арку буду делать! Я всю ночь эскизы рисовал, почти не спал. Сперва думал — дуб и ива, а потом решил, что это банально! У нас каждая вторая арка — дуб и ива. А тут такой случай — съезд Травников и Знахарок! Со всего Леса! Может, даже из-за гор кто прибудет! Я должен их удивить! И вот что я придумал: арка в виде двух стеблей вереска, переплетенных в сложный гномий узел! Знаете, что такое гномий узел?

— Нет, — сказала Нелла.

— Это такое плетение, которое невозможно развязать! Его можно только разрубить! Символ вечной дружбы! Ну, или символ упрямства, смотря кто спрашивает. Но для Травников и Знахарок — в самый раз! Они ведь все время спорят, что лучше лечит: травы или заговоры, а арка будет им говорить: вы едины, как этот самый узел!

Он говорил с таким жаром, что Нелла невольно отвлеклась от каши и стала слушать внимательнее. За свою жизнь она встречала много существ: людей, духов, магов, тварей из Темных Пределов. Но такого, как этот гном, — никогда. Он был как маленький вулкан: постоянно извергал идеи, планы, восклицания. И при этом от него не исходило угрозы. Только тепло и грохот.

— А вы, — вдруг спросил он, останавливаясь и глядя на нее поверх очков, — разбираетесь в цветах?

— Я разбираюсь в насекомых, — напомнила она гному. — Цветы — не мой профиль. Но я могу отличить ромашку от лютика.

— Уже неплохо! — одобрительно кивнул Рубин. — Тогда слушайте: мне нужно подобрать цветы для арки. Русалки обещали водяные лилии, но за ними идти и идти. Дубовый опад уже есть. А Брунгильда требует, чтобы в композиции присутствовали вереск — в честь нашей Росинки, — и колокольчики. У нас в таверне колокольчиков нет, а за окном они, может, и растут, но я в них не разбираюсь. Может, вы поможете? Чисто как биолог!

— Я энтомолог, — снова сказала Нелла, но уголки ее губ дернулись в легкой улыбке.

— Энтомолог, биолог — какая разница? — отмахнулся гном. — Вы вон жуков изучаете, а жуки на цветах сидят. Значит, и в цветах понимать должны! Логично?

Логика в его словах была настолько гномья, что возражать было бессмысленно. Нелла вздохнула, оставила кружку и встала с кровати.

— Хорошо, — сказала она. — Я помогу вам с цветами. Но предупреждаю: если ошибусь, и вместо колокольчиков в арке окажется ядовитый плющ, — это будет не моя вина.

— Договори-ились! — радостно рявкнул Рубин и так хлопнул в ладоши, что с потолка посыпалась побелка.

Они вышли из таверны вместе. Утро уже полностью вступило в свои права: лес звенел от птичьих трелей, папоротники блестели росой, и где-то вдалеке слышался ритмичный стук — это, наверное, гномы уже начинали работу на Большой поляне.

Тропинка, по которой они пошли, вилась между старых дубов и выводила к лугу, где, по словам Рубина, росло «все, что цветет в это время года, и даже то, что не цветет, но просто красиво выглядит». Нелла шла чуть позади, разглядывая окрестности. Цветущий Лес и правда оправдывал свое название: тут и там, на солнечных просветах, пестрели россыпи луговых цветов — синие, желтые, белые. Воздух дрожал от пчелиного гула.

— Вот! — объявил Рубин, останавливаясь перед целым полем колокольчиков. — Я ж говорил! Колокольчики! Вы только посмотрите, какие синие — как... как...

— Как колокольчики? — подсказала Нелла.

— Именно! — гном просиял. — Сразу видно энтомолога!

Девушка присела на корточки и стала рассматривать цветы. Рубин опустился рядом — с кряхтением, но бодро. Некоторое время они молча собирали колокольчики: он аккуратно срезал стебли ножом, который извлек откуда-то из-за пояса, она складывала их в плетеную корзину, которую он, оказывается, все это время тащил с собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.